

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ НАРРАТОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

*Юсупова Гузал Рашитовна,
Преподаватель СамГИИЯ*

Ключевые слова: когнитивное литературоведение, когнитивная нарратология, когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, художественный нарратив, когнитивизм, моделирование.

Введение. На сегодняшний день в контексте развития мировой лингвистики и литературоведения в области нарратологии художественного текста проводятся активные исследования по следующим приоритетным направлениям: когнитивное литературоведение, когнитивная нарратология, когнитивная поэтика и когнитивная стилистика. Обращение к термину «когнитивный» является исходным моментом, который, прежде всего, является объединяющим модусом вышеуказанных направлений.

Рассматривая вопрос о дисциплинарных границах когнитивного литературоведения, когнитивной нарратологии, когнитивной поэтики и когнитивной стилистики следует обозначить объединяющие узлы данных направлений. Вышеуказанные направления являются междисциплинарными и представляют собой союз когнитивной, лингвистической, литературоведческой, культурологической (частично) и психологической наук. Данное объединение позволяет более глубоко осмыслить и описать закономерности моделирования и восприятия нарратива, в частности художественного.

Основная часть. Рассмотрим каждый из исследуемых направлений современной нарратологии в отдельности. Когнитивная поэтика — это довольно новое и только формирующееся направление в области литературоведения, которое включает в себя критическую практику понимания и анализа литературных текстов с точки зрения когнитивной лингвистики и психологии.

Сам термин был впервые введен Реуеном Цуром для обозначения нового когнитивно-ориентированного подхода к поэзии и ее восприятию, но теперь «когнитивная поэтика» используется в гораздо более широком смысле, в фокусе ее исследования находятся любые подходы к художественному нарративу, которые используют в качестве описательного механизма когнитивную науку.

По словам Питера Стоквелла, который является основателем данного направления и автором одноименной книги, практикующие когнитивную поэтику не просто используют литературные тексты в качестве объекта исследования, чтобы проиллюстрировать идеи, уже оформленные в когнитивной лингвистике и психологии. Скорее, они серьезно относятся к познавательному повороту и стремятся ответить на некоторые из основных вопросов литературоведения, проводя «тщательную переоценку всех категорий, которые необходимы для литературного чтения и анализа».

Исследуя разницу между такими направлениями нарратологии как когнитивная поэтика и когнитивная стилистика, мы исходим из основных концептуальных положений теории Н.М. Джусупова. В своём диссертационном исследовании «Когнитивно-стилистические основы выдвижения в англоязычном художественном дискурсе» он определяет четкие границы между «когнитивной стилистикой» и «когнитивной поэтикой», утверждая, что эти термины (главным образом англо-

американские авторы) используют равнозначно.

«В работах зарубежных (англоязычных) авторов одна группа ученых оперирует термином «когнитивная стилистика» [Semino, Culpeper, 2002; Attardo, 2002; Burke, 2004, 2006], другая предпочитает использовать термин «когнитивная поэтика» [Stockwell, 2002; Gavins, Steen, 2003], причем обе группы имеют в виду одну и ту же область исследований. Некоторые ученые признают термины тождественными (дублирующими) “overlapping” [Semino, Culpeper, 2002], т.е. синонимичными, и в соответствии с этим используют их равнозначно [Wales, 2001; Semino, Culpeper, 2002]. Однако вместе с тем в предисловии к сборнику статей “Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis” (2002) Е. Семино и Дж. Кальпепер отмечают, что в названии научного издания они используют термин “cognitive stylistics” («когнитивная стилистика») с целью подчеркнуть важность обращения именно к языковому аспекту анализа текста [Semino, Culpeper, 2002, X]» [Джусупов, 2020: 22].

Таким образом, можно утверждать, что основное отличие «когнитивной поэтики» от «когнитивной стилистики» заключается в том, что объектом исследования «когнитивной стилистики» являются не только художественные тексты, но и тексты различных функциональных стилей. При этом смеем отметить, что «когнитивная стилистика» больше тяготеет к когнитивной лингвистике, а «когнитивная поэтика» — к когнитивному литературоведению.

Многочисленные исследования показывают, что определяющее влияние на функционирование «когнитивной стилистики» оказывают лингвистика, стилистическая теория и когнитивная наука.

Продолжая условно дифференцировать различные направления нарратологии, следует определить существенную разницу между

когнитивной нарратологией и когнитивной поэтикой.

Если когнитивная поэтика в узком смысле слова рассматривает когнитивные основания поэтической речи, то когнитивная нарратология занимается изучением когнитивных аспектов и прозаического повествования.

Область исследования, которая стала называться когнитивной нарратологией, может быть охарактеризована как подраздел в рамках «постклассической» нарратологии. Речь идет об основах изучения нарратива, которые включают идеи классических, структуралистских нарратологов, но дополняют их работу концепциями и методами, которые были недоступны для таких аналитиков, как Барт, Женетт, Греймас и Тодоров во время расцвета структурной революции. Внутри дисциплины, исследующей связь нарратива и разума, аналитики работали над обогащением первоначального запаса структурных концепций исследованиями человеческого интеллекта, которые либо игнорируются, либо недоступны для классических нарратологов; таким образом, они заложили новые основы для изучения основных и общих принципов мышления в отношении различных аспектов структуры повествования, а также различных способов организации историй.

В «когнитивной нарратологии» основной акцент делается на том, как разум (сознание) работает с «историями» и обрабатывает их, при этом данный подход не должен влечь за собой когнитивистское разделение между ментальными репрезентациями и социальной и материальной средами, которые фактически помогают формировать и частично составляют сам разум. На самом деле исследования, направленные на изучение повествования и мышления, помогают рассматривать и анализировать, каким образом культурные повествовательные практики ориентированы на психические состояния, способности и склонности людей.

В исследуемой проблематике центральными становятся теории ведущего западного исследователя Д. Германа, который утверждает следующее: «Нарративная репрезентация передает опыт живущего существа посредством изменчивых повествовательных миров, подчеркивая давление событий на действительно существующее или воображаемое сознание» [Herman, 2009:137]. Сущность этих требований сводится к тому, что обязательным компонентом нарративной модели становится создание/разрушение возможного мира, наряду с событиями, состояниями и действиями.

Как бы ни был концептуализирован и определен термин «когнитивная нарратология», он используется только в течение последних пятнадцати лет. Тем не менее вопросы и проблемы, охватываемые этим термином, можно проследить до более ранних исследований. В области литературоведения и рука об руку с более глубокими исследованиями по вопросам восприятия и реакции читателей на тот или иной нарратив, исследования Штернберга и Перри выделенные стратегии обработки (например, эффекты «первичности» и «свежести»), возникающие из ситуации данного события в отношении двух временных продолжений истории и дискурса, или фабулы и сюжета. События, которые происходят на раннем этапе истории, могут встречаться на поздних этапах дискурса или наоборот, вызывая различный опыт чтения по сравнению с теми, которые вступают в игру, когда между временем сказанного и временем рассказа существует больший изоморфизм. Еще более ранним прецедентом в этой связи является учет Ингарденом литературных текстов как гетерономных и автономных объектов, то есть как схематических структур, конкретизация которых, смысловой потенциал, требует познавательной активности читателей.

Художественный текст всегда и синхроничен, и диахроничен. При этом, полагая сущностью когнитивного акта интерпретационное движение информации

в рамках триады «автор-текст-читатель», равным образом должно признать очевидную необходимость экстраполирования сугубо категориальных построений индивидуума на материал текста, ибо новый метод имеет преимущества перед существовавшими лишь в том случае, если позволяет более глубокое и идентификационно более действенное проникновение в исследуемый материал, на что, собственно говоря, и претендует когнитивистика

Таким образом, теоретики исследуют, как эмпирические навыки, хранящиеся в форме «сценариев», позволяют интерпретаторам историй «заполнять пробелы». В свою очередь, Палме исследует, как знание мира читателями позволяет ему делать выводы о вымышленных умах, применяя такие знания к различным текстовым индикаторам (показателям), включая серьезные размышления, речевые высказывания и поведенческий рисунок охватывающим непрерывную взаимосвязь психического и физического действия. Другие аналитики исследуют, как литературные повествования, представляя нетипичные, оспаривающие нормы или физически невозможные вымышленные сценарии, смешивают процессы создания сценариев, разрушения и обновления.

Для собственно литературоведческой мысли когнитивизм раздвигает границы свойственной ей целостной системы восприятия мира, связанной с высоким когнитивно-эстетическим и нетрадиционным креативно-экспериментаторским постижением внутренних закономерностей искусства слова и способностей человека в использовании возможностей поэтического языка

В 2000 году вышел первый выпуск интернет-журнала «Image & Narrative», который был посвящен когнитивной нарратологии. Появление данной дисциплины явилось следствием того, что сразу после рубежа веков, были отредактированы ряд томов, специальных выпусков журналов и конференций,

исследующих пересечения между познанием, литературой и культурой, а также подходы к взаимосвязи между сознанием и повествованием, в частности. В то же время теоретики сформулировали соответствующие возражения (или, по крайней мере, оговорки) относительно того, что Ричардсон и Стин назвали «когнитивной революцией» в изучении литературы и культуры. В частности, ученые, которые скептически относились к когнитивным подходам к литературе и культуре в целом, а также к исследованиям нарративов и психики конкретно, ставили под сомнение степень, в которой работа такого рода представляет собой истинную междисциплинарную или скорее «трансдисциплинарную» конвергенцию - в отличие от выборочных и иногда случайно заимствованных идей и методов, ориентированных к проблемным областям в других сферах исследования.

Подходы и методы в изучении нарратива и мышления продолжают появляться, развиваться и перекрестно опыляться, и трудно предсказать, какой из этих подходов будет наиболее плодотворным в будущем, не говоря уже о том, какое влияние они в конечном итоге окажут на более широкую область нарратологии. Научные исследования в области нарратива, рассматривающие цель интерпретации, а также исследование «историй» как инструмент мышления, включают в себя:

1) исследование диапазона психических состояний и процессов, которые поддерживают выводы об онтологическом составе, пространственно-временном профиле и характере персонажа в мире истории, а также о степени, в которой данный текст или представление могут быть ассимилированы в категорию «повествование» т.е. присвоение, по крайней мере, некоторой степени нарративности - в первую очередь [Doležel, 1998; Fludernik, 1996; Gerrig, 1993; Herman, 2002; Herman, 2013; Hogan, 2003];

2) когнитивно-искаженные описания повествовательной перспективы или

фокусировки в художественных и научно-популярных текстах [Van Peer, 2001; Jahn, 1996, 1999];

3) попытки сформулировать то, что Эдер [Eder, 2003] называет «теориями когнитивного восприятия», включая исследование эффектов повествовательного ожидания, любопытства и удивления, а также как исследования конкретных стратегий рассказывания историй, которые могут стимулировать, усиливать или подавлять эмпатические ответы со стороны интерпретаторов;

4) эмпирические исследования, основанные на методах, начинающихся с измерения количества раз чтения одного и того же текста до корпусного метода анализа¹, а так же выявления и составления схем повествовательных миров, стремились показать наглядные корреляции между тем, что Бортоллуччи и Диксон [Bortolussi & Dixon, 2003] называют «текстовыми особенностями» и «текстовыми эффектами»;

5) исследование персонажей и методов их характеристики в художественных, а также не художественных нарративах; эта работа включает в себя исследования конкретных методов, используемых рассказчиками, чтобы выявить законы существования ментально составляющей жизни персонажей, а также исследования того, каким образом интерпретаторы сталкиваются с такими личностями в художественных мирах, которые впоследствии влияют на формирование и более глубокое познание личности в реальной жизни ;

6) изучение эмоций и эмоционального дискурса в повествовательных контекстах; соответствующая работа включает в себя исследование того, как эмоциональные реакции лежат в основе рассказа и интерпретации историй, а также исследование того, как нарративы сразу отражают и помогают формировать «эмоцинологию» , а точнее систему терминов и понятия об эмоциях,

используемые участниками в дискурсе [Herman, 2013]

7) исследование черпает вдохновение из разработок в теории эволюции, а также в эволюционной психологии, включая гипотезе о том, что нарративное мышление возникло потому, что оно облегчало интерпретацию событий в окружающей среде и, следовательно, способствовало функциональному действию и аргументу Бойда о том, что повествовательный вымысел и другие формы воображаемого связаны с развитой предрасположенностью человека к игре. Интерпретация, в частности, художественного нарратива это своего рода «игры разума» которые устраивают создатели данных нарративов с их интерпретаторами. (эстетическая установка на текст). При этом важно отметить следующее: «Когнитивная игра искусства способна увлечь нас по пути, который сам по себе является вознаграждением и соблазняет нас совершенствовать силу наших психических процессов, связанных с обработкой наиболее важных для нас типов информации» (Boyd, 2009:406 – пер. Ю.Г.). Известно, литература может формировать определенные шаблоны и «сценарии» поведения.

Когнитивная нарратология в наибольшей степени отвечает статусу междисциплинарного проекта. Теория нарратива расценивается в современной науке как «интердисциплинарное научное явление», сам нарратив признается «семиотическим феноменом, пересекающим границы дисциплин и средств представления» (там же), а литературный нарратив – одним из подклассов нарративов вообще (наряду с документальным, бытовым, кинематографическим и др.) С позиции когнитологии, нарративная семантика – это не строго фиксированное отношение между знаками и их значениями, а прежде всего – особый тип когнитивного конструкта, который может репрезентироваться средствами различных знаковых систем.

Рассматривая вопрос о дисциплинарных границах когнитивной поэтики следует заметить, что проблематика когнитивного литературоведения последних десятилетий все ещё оформляется, вследствие этого, мы полагаем, что многие современные гипотезы и теории признать универсальными было бы ошибочным, но и не рассматривать их вообще было бы просто катастрофическим. Именно с этой целью мы считаем правильным, для начала провести первоначальный анализ основных тенденций и теорий данного направления и таким образом впоследствии выделить и применить наиболее необходимые, подходящие и продуктивные для нашего исследования.

Важной для исследования границ когнитивного литературоведения и ее месте в современной нарратологической теории можно считать статью Е.В. Лозинской «Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы.» (2010) и книгу Л.В. Витковской «Когниция смысла. Литературоведение 21 века» (2012). Е.В. Лозинская определяет следующие узловые моменты: «Словосочетание «когнитивные исследования литературы» (cognitive literary studies) и сходные с ним «когнитивная поэтика», «когнитивная стилистика» в последние 15–20 лет завоевывают все большую популярность в западном литературоведении.

По словам А. Ричардсона, одного из первых историков когнитивного литературоведения, который определяет данное направление как своего рода общую площадку для работы литературных критиков и теоретиков, жизненно заинтересованных в когнитивной науке и нейрологии и именно поэтому способных многое сказать друг другу, несмотря на все имеющиеся между ними различия (33:2).

Определение формальных границ когнитивного литературоведения представляется довольно сложной задачей. Следует заметить, что несмотря на это в рамках самого когнитивного

литературоведения уже успели сформироваться свои, так называемые, мини-школы.

В начале 1980-х годов литературоведы и представители других дисциплин начали проявлять интерес к определению связей между литературой и общими принципами организации человеческого мышления еще до появления выражения «когнитивные исследования литературы»: Р. Цур, Н. Холланд, Р. де Богранд и т.д. Параллельно с этим была создана теория концептуальной метафоры М. Джонсона и Дж. Лакоффа (1980) согласно которой метафора является не стилистическим украшением, риторической фигурой, а фундаментальным механизмом человеческого мышления, обеспечивающим проекции одной области концептуального опыта на другую (например, проекция идей об организации пространства на концепт времени).

Нельзя не согласиться с Е.В. Лозинской, которая рассматривает тот факт, что именно эта идея легла в основу первой когнитивной литературоведческой концепции, обоснованной в книге американского филолога М. Тернера (1987) «Смерть - мать прекрасного: сознание, метафоры и критика». М. Тернер доказал, что общепринятые концептуальные метафоры могут лежать в основе как отдельных художественных образов, так и текстовых элементов более высокого уровня организации - основы структуры лейтмотива, композиции и т. д., и поэтому метафора является прототипом случая аналогичного мышления, характерного для литературы в целом. Но все это можно считать предысторией когнитивного литературоведения.

Уточним следующее, история когнитивного литературоведения начинается в 1991 и 1997 годах, когда М. Тёрнер опубликовал две принципиально важные работы, которые были восприняты как манифест нового направления: «Reading minds» («Читающие сознания») (1991) и «The literary mind» («Литературное сознание») (1997). Эти

книги очень важны для когнитивного литературоведения, но стоит заметить, что по сути их нельзя обозначить как литературоведческие так как они не содержат конкретных исследований литературных текстов и в них даже не содержится подробная программа таких исследований. Вклад, который внесли данные издания, это прежде всего пересмотр основных принципов когнитивного литературоведения.

Новую полосу изысканий в области когнитивного литературоведения после работ М. Тёрнера, открывает книга литературоведа Р. Цура «Toward a theory of cognitive poetics.» («На пути к когнитивной поэтике») (1992) которая стала фундаментальной теоретико-литературной работой, где каждое теоретическое положение сопровождается разбором конкретного текста, анализом приема и т.д. Ценность данного труда заключается в том, что все выводы и умозаключения, которые впоследствии стали фундаментальными были выявлены автором в результате обобщения результатов практической работы, а не из намерений использовать и применять первоначально разработанные в когнитивных лингвистике и психологии идеи и теории на литературном материале и не из стремления пересмотреть методологию в свете интердисциплинарности.

Р. Цур определяет основное положение когнитивной поэтики согласно которой «поэзия эксплуатирует в эстетических целях когнитивные (включая лингвистические) процессы, которые изначально развились для внеэстетических целей» [Tsur, 1992:4]. Несмотря на то, что основная идея автора заключалась в том, что анализ литературного материала способствует изучению человеческого сознания как такового, его главной целью остается выявление «различий между когнитивными процессами в целом и своеобразным способом их эксплуатации в литературных целях» [Tsur, 1992:2]. Автора интересует, каким образом способы и методы обработки информации

свойственные человеку определяют и ограничивают поэтический язык и форму.

Основополагающими для нашего исследования считаем главные постулаты данного труда, т.к. особое внимание уделяется методологии когнитивной поэтики, которая представляет собой союз подходов когнитивной науки и традиционных отраслей литературоведения, лингвистики, эстетики, психологии и лингвокультурологии.

В свою очередь Л.В. Витковская правомерно отмечает, что когда речь идет о когнитивном литературоведении, имеется основание полагать, что его задача сводится к установлению и исследованию условий, связанных с возникновением и развитием когнитивных систем контекста. Иначе говоря, когнитивизм в литературоведении представляет реальный аппарат анализа эстетически значимых текстов, являющийся, не менее действенным, нежели, к примеру, формализм или структурализм. При этом следует отметить, что когнитивное литературоведение открывает новый взгляд на текст, таким образом в силу того, что текст обладает двойственной природой – состоянием покоя и потенциалом движения, его интерпретация приобретает со временем новые когнитивные нюансы. Так, «Бесы» Ф.Достоевского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Чевенгур» А. Платонова, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Мартин Иден» Д.Лондона, «Американская трагедия» Т. Драйзера, «Школа злословия» У. Теккерея, «Наш человек в Гаване» Г. Грина, «Книга и рабство» А. Мердок и многие другие произведения получают кардинально противоположные, по сравнению с первоначальными, толкования. Речь может идти даже о конфликте интерпретаций (Поль Рикер). [Витковская, 2012: 16-17].

Новую полосу изысканий в области исследования когнитивного литературоведения открывает книга под редакцией Л. Заншайн (Зуншайн) «**The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies**». Данное издание представляет

собой сборник статей различных исследователей в области когнитивного литературоведения. Так, например, статья *Натали Филлипс* расширяет рамки когнитивно-исторического подхода, демонстрируя возможность применения методов нейронаук в литературоведении. Экспериментальное исследование, которое проводила междисциплинарная группа под руководством Филлипс, было нацелено на выявление различий в работе механизмов внимания при чтении для удовольствия и при аналитическом («медленном») чтении (на материале романов Дж. Остин «Доводы рассудка» и «Мэнсфилд-парк»). Испытуемые, получавшие задание прочесть текст для того, чтобы впоследствии написать аналитическое эссе, демонстрировали значительное увеличение активности не только в отделах мозга, традиционно связываемых с чтением, контролем внимания и исполнительными функциями, но практически во всем мозге. Данный эксперимент явно демонстрирует необходимость в более серьезном отношении к аналитическому чтению. Одной из основных практических задач нашего исследования является кардинально изменить отношение и преподавателей и студентов к анализу текста, и сделать это наиболее ярко и интересно можно несомненно на примере высокой художественной литературы.

На наш взгляд основной ошибкой многих современных интерпретаторов художественного нарратива (преподавателей, аналитиков, критиков и т.д.) является то, что к сожалению, их анализ носит больше культурологический характер, они часто акцентируют своё внимание на историческом контексте, биографии автора и идеологическом анализе, игнорируя тот очевидный факт, что литературное произведение невозможно без языка и поэтому лингвистическая составляющая должна быть в приоритете, особенно при подготовке будущих филологов.

Дисциплинарные границы изучения специфики художественного мира

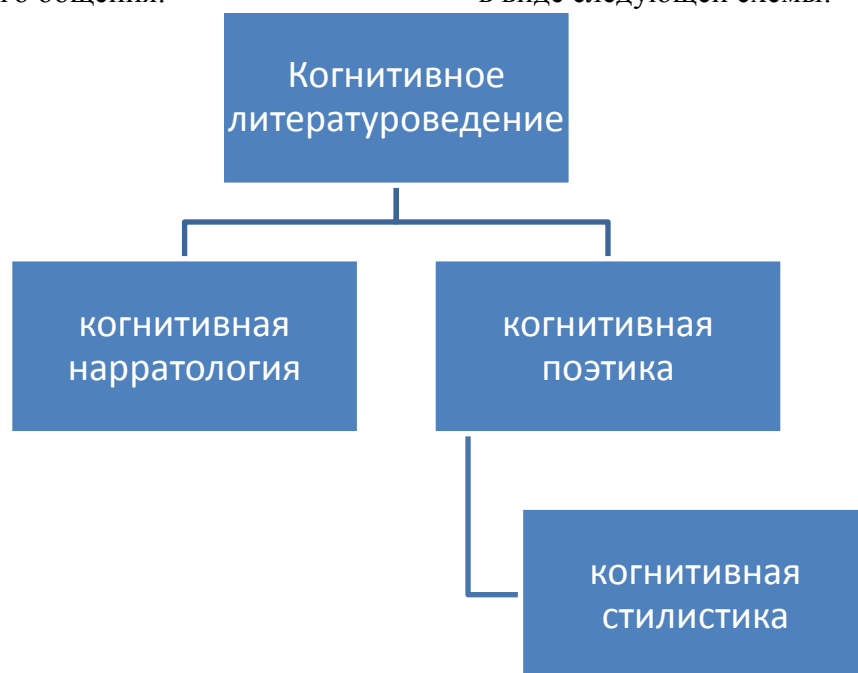

действительно весьма широки. Причем, рациональное решение многих задач непосредственно связано с концептуальной спецификой использования языка и с когнитивной компетентностью любой языковой личности, ибо, как утверждают современные лингвисты например Ю. Н. Караулов с своей книге «Русский язык и языковая личность» (2002) утверждает «языковая личность – вот та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка».

Попытки взглянуть на речь сквозь призму действий носителя языка, выраженные в теориях речевых актов таких ученых, как Дж.Остин, Дж.Серль, П.Грайс, имеют прямое отношение к художественной литературе. Они уделяют особое внимание интенциям говорящего/пишущего, в том числе остающимся за пределами вербального выражения, но являющимися вместе с тем неотъемлемой частью высказывания, ибо относятся к общим фоновым знаниям как основе языкового общения.

Навыки аналитического чтения позволяют развивать умение реконструировать при чтении текста точку зрения автора, не внося в нее собственных представлений и идей. Навыки аналитического чтения позволяют развивать способность не только пассивно получать информацию из художественного текста, но и активно её анализировать и в последствии правильно интерпретировать. Следует отметить продуктивную, статью Д. Ахапкина «Аналитическое чтение и письмо в системе современного образования», в которой отмечено, что литература не формирует, а улучшает нашу способность интерпретировать события. Любое совершенствование в интерпретации различных ситуаций и оценки возможных сценариев, действий или реакций, основанное не только на наблюдаемом или достоверно сообщенном материале, но и на мысленных экспериментах, дает существенное преимущество. [Ахапкин, 2014:171]

Закключение. Суммируя указанные исследования посвященные основным приоритетным направлениям в области изучения художественного текста с позиций когнитивизма, можно представить в виде следующей схемы:

Исходя из данной схемы можно утверждать, что когнитивное литературоведение стоит во главе данной

иерархии, так как демаркационная линия между когнитивной нарратологией и когнитивной поэтикой проходит по

объекту исследования (см. выше). Теоретически родовым именем для них может служить понятие когнитивного литературоведения. При этом следует заметить, что нарратология как теория повествования появилась в недрах литературоведения. Таким образом, в когнитивных исследованиях языка и литературы мы выделяем три сегмента междисциплинарности: когнитивная стилистика, когнитивная поэтика и когнитивная нарратология, отношения между которыми неоднозначны.

При этом следует отметить, что практически все важнейшие компоненты механизмов эстетической когниции в пространстве литературоведческого анализа находятся в «подвешенном», внесистемном положении, об этом свидетельствует тот факт, что когда речь идет о когнитивном литературоведении, имеется основание полагать, что его задача сводится к установлению и исследованию условий, связанных с возникновением и развитием когнитивных систем контекста. Иначе говоря, «когнитивизм в литературоведении представляет реальный аппарат анализа эстетически значимых текстов, являющийся, на наш взгляд, не менее действенным, нежели, к примеру, формализм или структурализм. И при этом простейшее выведение в форму проблемной постановки сциентологических объектов когнитивного литературоведения выявляет существенное обстоятельство: во всех случаях локализации данной области научного анализа наблюдается горизонтальный охват исследуемого материала, представляемый в соответствующей же плоскостной структуре описательного аппарата. Выступая по отношению к традиционным или ставшим таковыми в последнее время методам в качестве однозначно определенной системы анализа, когнитивное литературоведение, тем не менее, до сих пор не отмечено

вертикальным институтированием». [Витковская, 2012: 17-18].

Определяя когнитивное литературоведение как «новый взгляд на литературу как высшую форму проявления ментальных способностей» - Е. Лозинская - подчеркивает, что оно «никогда не станет отказом от литературоведческой традиции, от проверенного временем поэтологического словаря, от привычной нам теории литературы и рецептивной эстетики» [Лозинская, 2009:220], но при этом в эту традицию необходимо вписать когнитивную поэтику и когнитивную нарратологию

Невозможно обойти стороной, своего рода манифест когнитивному литературоведению, который гласит: «Когнитивное литературоведение – это серьезное переосмысление многих аспектов литературоведческой деятельности. Это новый взгляд на литературу как высшую форму проявления человеческих ментальных способностей, а не факультативную надстройку над естественным языком и естественными формами мышления. Это чувство восторга и удивления перед литературой как феноменом человеческой жизни, перед ее приемами и эффектами. Это поиск причин того, как эти удивительные явления стали возможными. Это проблематизация многих вещей, которые в течение долгого времени казались литературоведам сами собой разумеющимися. Это отказ от произвольной или идеологизированной интерпретации литературного текста. Это эмпирическая проверка привычных литературно-теоретических утверждений. Это поиск рецептивной основы для категорий, которые, казалось бы, относятся к организации самого текста». При этом смеем уточнить, что для достижения поставленных выше задач необходим союз всех «когниций» (литературоведения, нарратологии, поэтики и стилистики).

Литературы:

1. Bortolussi M. & Dixon P. Psychonarratology: Foundations for the Empirical Study of Literary Response. -Cambridge: Cambridge UP. 2003- 320 p.
2. Boyd B. On the Origin of Stories: Evolution, Cognition, and Fiction.- Cambridge, MA: Harvard UP, 2009- 560 p.
3. Doležel L. Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. -Baltimore : Johns Hopkins UP., 1998.- 169 p.
4. Eder J. Narratology and Cognitive Reception Theories. T. Kindt & H.-H. Müller (eds). What Is Narratology? Questions and Answers Regarding the Status of a Theory. -Berlin: de Gruyter, 2003- P.277–301.
5. Fludernik M. The Diachronization of Narratology.- Narrative 11.3, 2003-P.331–48.
6. Fludernik M. Towards a 'Natural' Narratology. -London: Routledge, 1996- 472 p.
7. Gerrig R. J. Experiencing Narrative Worlds: On the Psychological Activities of Reading. New Haven: Yale UP. 1993-P. 1-25
8. Herman D. Basic elements of narrative. - Chi Chester (U.K.); Malden (USA): Wiley-Blackwell, 2009. - 272 p.
9. Herman D. ed.Narrative Theory and the Cognitive Sciences.-Stanford: CSLI, 2003-P. 94-271
10. Herman D. Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative.- Lincoln: University of Nebraska Press, 2002.- 452 p.
11. Herman D. Storytelling and the Sciences of Mind. -Cambridge: MIT P, 2013- 400 p.
12. Hogan P. C. Cognitive Science, Literature, and the Arts: A Guide for Humanists.- London: Routledge. 2003- 256 p.
13. Ахапкин Н.Д. Аналитическое чтение и письмо в системе современного образования. Либеральное образование в России Теории, Дискуссии, Методы.- Санкт-Петербург, 2014. -С. 166-187.
14. Витковская Л.В. Когниция смысла. Литературоведение XXI века. Издание второе, дополненное. — Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012. — 236 с.
15. Джусупов Н. М. Когнитивно-стилистические основы выдвижения в англоязычном художественном тексте. Дис. ... док. филол. наук. — Ташкент, 2020. — 330 с.
16. Лозинская Е.В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы. // Человек: образ и сущность .— 2010 .— №1 .— С. 192-225.
17. Лозинская Е.В. Энциклопедия нарративной теории издательства Раут-ледж // Реферативный журнал. Серия «Литературоведение». -2009-№ 1.- С. 6.

Юсупова Г. Бадиий матн нарратологияси соҳасининг асосий устувор йўналишлари.

Мақолада замонавий нарратологиянинг устувор йўналишлари: когнитив адабиётшунослик, когнитив нарратология, когнитив поэтика ва когнитив стилистика кўриб чиқилган. Тадқиқотнинг долзарблиги шундаки, нарратологиянинг замонавий йўналишлараро аниқ фарқловчи чизиқ ҳали тўлиқ шаклланмаган. Мақолада мазкур йўналишлар орасида шартли чегара тортишга ҳаракат қилинган. Тадқиқот натижалари бадиий матнни когнитивизм нуқтаи назаридан ўрганишида нарратология замонавий йўналишлари иерархияси келтирилган чизмалар кўринишида тақдим қилинган. Мазкур чизмалардан келиб чиқиб когнитив адабиётшунослик иерархиянинг энг юқори поғонасида жойлашишини таъкидлаш мумкин, чунки когнитив нарратология ва когнитив поэтика ўртасидаги чегара тадқиқот объектига кўра белгиланади. Назарий жиҳатдан уларга ёндош тушунча бўлиб, когнитив адабиётшунослик келтирилиши мумкин. Айни пайтда нарратология ҳикоя назарияси сифатида адабиётшунослик ўзагида дунёга келганини ҳам таъкидлаб ўтиш лозим. Шу

тариқа тил ва адабиётнинг когнитив тадқиқида соҳалараро уч сегментни ажратишимиз мумкин бўлади, булар: когнитив-стилистика, когнитив-поэтика ва когнитив-нарратология.

Yusupova G. Main priority directions in the field of narratology of literary text. The article has dealt with priority directions of modern narratology: cognitive literary criticism, cognitive narratology, cognitive poetics and cognitive stylistics. The relevance of the study lies in the fact that the boundaries of modern trends in narratology are still being formed and clear demarcation lines between the studied areas have not yet been identified. The article makes an attempt to conditionally differentiate these directions. The research results are presented in the form of a diagram, according to which the hierarchy of modern trends in narratology in the field of studying a literary text from the standpoint of cognitivism is determined. Based on this scheme, it can be argued that cognitive literary criticism is at the head of this hierarchy, since the demarcation line between cognitive narratology and cognitive poetics runs through the object of research. Theoretically, the concept of cognitive literary criticism can serve as a generic name for them. It should be noted; however, that narratology as a theory of storytelling appeared in the depths of literary criticism. Thus, in cognitive studies of language and literature, we distinguish three segments of interdisciplinarity: cognitive stylistics, cognitive poetics, and cognitive narratology.